СВѢТЛЫЙ ПРАЗДНИКЪ.

Богатому вездѣ хорошо, а бѣдному вездѣ худо; только въ сказкахъ убогому бываетъ лучше, чѣмъ богатому. Что жъ? коли самому бѣдняку помощи не дадутъ, такъ спасибо хоть за то добрымъ людямъ, что хорошія побасенки о немъ слагаютъ. Послушайте жъ у меня одну такую сказку.

На Украинѣ есть много своихъ христіанскихъ обычаевъ, съ которыми люди живутъ, старѣются и умираютъ. Одинъ такой обычай — коли не знаете, такъ, вѣдь, надо вамъ разсказать это напередъ, а коли знаете, такъ не взыщите — на Украинѣ есть такой обычай, что противъ свѣтлаго праздника не заливаютъ и не тушатъ огня, а каждый хозяинъ держитъ багатье*) во всю ночь, чтобъ было гдѣ засвѣтитъ передъ образомъ свѣчку, какъ воротится народъ отъ заутрени. Вотъ дождались свѣтлаго

---

*) На Украинѣ для огня есть три названія: *огонь*, или уогонь, *свитло* и *богатье*. Свитломъ называютъ его, когда рѣчь идетъ о свѣчѣ, или каганцѣ; багàтьемъ , когда надобно зажечь что–нибудь, напримѣръ, свѣчу, разложить огня, или закурить трубку; во всѣхъ прочихъ случаяхъ употребляютъ слово «огонь.»

праздника; всѣ хозяйки въ страстную субботу пекутъ, варятъ, готовятъ, чтобъ было чѣмъ разговѣться и своимъ и добрымъ захожимъ людямъ; вотъ понесли пасхи (то–есть куличи) и жареныхъ поросятъ да индюшекъ, и уставили ими въ два ряда весь погостъ, отъ паперти до самыхъ воротъ; а народъ весь въ праздничныхъ платьяхъ: всѣ радостно ждутъ и встрѣчаютъ свѣтлый праздникъ.

На селѣ этомъ жилъ бѣднякъ, которому, Богъ–вѣсть отчего, не было счастья на хозяйство. Былъ онъ не гуляка, не пьяница, а добрый работящій человѣкъ, да не было ему счастья ни въ чемъ. Мало того, что пропала да перевелась вся скотина, что два раза погорѣлъ, такъ еще и хозяйка бѣдная померла, покинувъ ему полную хату дѣтей; остался онъ вдовцомъ да притомъ и нищимъ; ни одна дѣвка, ни вдова не идутъ за него, дѣти безъ призора, хозяйки въ дому нѣтъ, такъ бѣда и одолѣла вовсе. Какой мужикъ управится одинъ, безъ хозяйки, и какое ему житье? Не то дома, не то въ полѣ, а дѣти хоть пропадай. Такъ онъ

и обнищалъ вовсе и былъ ему праздникъ не въ праздникъ. У него не готовили ничего, ни пасхи, ни жаренаго поросенка, да что бы ему и готовить, когда во весь великій постъ и огня въ печи не разводили: ни топлива нѣтъ, ни варева. Промолился онъ усердно всю ночь, да, выстоявъ заутреню, похристосовался со всѣми: ему и надавали, кто ломтикъ пасочки, кто красное яичко; вотъ онъ и обрадовался, что дѣткамъ будетъ чѣмъ разговѣться, пошелъ домой, положилъ все на столъ, досталъ изъ–за образовъ свѣчечку и хотѣлъ затеплить ее да положить три поклона и будить дѣтей. Спохватился — огня нѣтъ; на дворѣ было еще темно, ночь. Вспомнивъ, что у добрыхъ людей къ этому дню загребается жаръ къ сторонкѣ, да и свѣча, либо каганецъ не тушится, онъ вспомнилъ и былую пору, когда и онъ живалъ не хуже людей и водилось у него свое богатье въ дому. Что дѣлать! такъ Богу угодно. Пошелъ онъ къ сосѣду. «Христосъ Воскресъ!» — «Воистину Воскресъ.» — «Дайте, люди добрые, багатья, засвѣтить

свѣчу!» — «Вотъ человѣкъ: и свѣтлый праздникъ забылъ, въ люди за богатьемъ ходитъ! Иди съ Богомъ домой; ноньче всякъ дома про себя багатье держитъ, а тутъ не до тебя; не–ужъ–то ты не припасъ своего?»

Пошелъ онъ, сердечный къ другому мужику: тамъ его бабы и дѣвки засмѣяли, что въ такой день по дворамъ ходитъ за огнемъ, и прогнали. Онъ въ третій дворъ, въ четвертый — вездѣ тоже: вездѣ готовятъ столъ, всякому до себя, никому нѣтъ нужды до бѣдняка; гдѣ засмѣютъ, а гдѣ еще и выбранятъ, да и прогонятъ: «поди, говорятъ, не до тебя теперь, а за богатьемъ ступай въ поле, къ чумакамъ — тамъ дадутъ.»

Заплакалъ бѣднякъ мой, обошедши почти все село, и подумалъ: «Господи Боже мой! за что же меня еще и люди обижаютъ? Они жь меня знаютъ: не воръ я, не пьяница; навалилась на меня бѣда и нищета и самъ не знаю за что и откуда, а они еще горько насмѣхаются надо мной.... видно, сами не знали они нищеты.... Богъ ихъ

проститъ. Того не спросятъ, что отъ самой масляны ни крупинки въ домѣ не было, и не готовили ни разу, а пѣняютъ за грѣхъ, что своего огня нѣтъ.»

Подумавъ такъ, убогій стоялъ среди улицы, въ концѣ села, и уже не зналъ, куда идти и что дѣлать; взглянулъ онъ въ чистое поле, анъ за селомъ свѣтится огонекъ. «Вотъ» подумалъ онъ, «и вправду, что пойду изъ села къ чумакамъ за огнемъ, больше некуда дѣваться; авось хоть чумаки не откажутъ; а ужъ это не кто больше, какъ чумаки. Пойду; не оставаться же въ эту ночь образамъ моимъ безъ свѣчки, а хатѣ моей безъ свѣта; больно за дѣтокъ. Вотъ какъ свѣтло во всѣхъ хатахъ, какъ весело смотрѣть вдоль улицы!»

Пошелъ онъ за село и пришелъ прямо къ огню. Точно, это стояли чумаки; помнятъ святой праздникъ и они, хоть и засталъ онъ ихъ въ полѣ: сидятъ вокругъ огня, въ праздничныхъ кобенякахъ и свиткахъ; видно, также недавно воротились отъ заутрени. «Христосъ воскресъ!» — «Воистину воскресъ.» — «Дайте богатья,

люди добрые!» — «Изволь; да во чтожъ ты возьмешь?» — «Да вотъ дайте хоть свѣчечку затеплить!» — «Не донесешь ты свѣчи до села: тутъ въ полѣ вѣтерокъ ходитъ, задуетъ. Подставь–ка полу свитки, мы тебѣ богатья въ полу насыплемъ.» Онъ подставилъ полу, недолго думавъ, а они сгребли жару, просто руками, да и насыпали ему въ свитку. «Ступай съ Богомъ, не бойсь ничего, донесешь.»

Что думалъ онъ, когда бралъ жаръ въ полу — не знаю; но какъ человѣкъ простой и вѣрующій, никогда не обманывавшій другихъ, онъ положилъ свѣчечку свою за пазуху, собралъ хорошенько конецъ полы и пришелъ домой. «Коли люди гребли да насыпали руками, такъ почему жъ де мнѣ не донести въ полѣ?» Войдя въ избу, онъ затеплилъ напередъ всего свѣчу, поставилъ ее къ образамъ, положилъ три поклона, всталъ, чтобъ убрать столъ подаяніемъ и будить дѣтей, взглянулъ на припечекъ, куда высыпалъ изъ полы жаръ, а тамъ, вмѣсто жара, лежитъ куча золота, все червонцы. Обрадовался убогій, понялъ, что ему это

Богъ далъ, еще разъ помолился, положилъ на столъ ломти пасхи и яички, которыя собралъ, когда христосовался съ міромъ, и сталъ будить дѣтей, приказывая имъ скорѣе умыться, помолиться, похристосоваться съ отцомъ и между собою, да садиться за столъ и разговляться.

Сосѣдъ убогаго, который не далъ ему огня, увидѣвъ, однако, что въ хатѣ его свѣтло, подошелъ взглянуть въ окно, что тамъ дѣлается, да и увидѣлъ на загнеткѣ кучу червонцевъ. Удивившись этому, онъ вошелъ и сталъ разспрашивать бѣдняка, а этотъ, не таясь ни въ чемъ, разсказалъ ему все, какъ было. Сосѣдъ вышелъ на улицу, глянулъ въ ту сторону, куда ходилъ убогій, и также увидалъ огонекъ. «Постой же» подумалъ онъ: «пойду и я за червонцами» и пошелъ.

Тѣмъ часомъ баба выбѣжала за чѣмъ–то изъ другой избы и также подошла къ окну убогаго, всплеснула руками, вошла въ хату, чтобъ полюбоваться червонцами, разспросить сосѣда обо всемъ и позавидовать ему; а узнавъ, какъ это все

сталось, побѣжала домой и погнала мужа, едва только давъ ему шапку ухватить, чтобъ шелъ скорѣе за село къ чумакамъ: тамъ–де, для свѣтлаго праздника, раздаютъ пригоршнями червонцы. «Да смотри, больше нагребай» кричала она ему слѣдомъ: «чтобъ не пришлось мнѣ ругать тебя для праздника, какъ воротишься.»

Выпроводивъ мужа, сосѣдка опять побѣжала къ окну убогаго, тамъ опять домой, тамъ на улицу, посмотрѣть, свѣтится ли еще у чумаковъ огонекъ; другія сосѣдки увидѣли ее, стали спрашивать; она хотѣла было промолчать, чтобъ другимъ никому червонцы не доставались, чтобъ ей все одной захватить, да не утерпѣла, разсказала все, и пошла еще по всему селу и стала всѣхъ подводить къ окну убогаго, показывать червонцы и разсказывать, какое Богъ послалъ счастье этому человѣку и гдѣ ихъ достать можно. И всѣ бабы погнали гономъ мужиковъ своихъ за село, къ чумакамъ, чтобъ нагрести побольше золота да принести въ полѣ домой. Вотъ приходятъ они толпой и встрѣчаютъ того,

перваго, который пошелъ напередъ. «Что, дали?» — «Какже, насыпали двѣ пригоршни». — «Такъ постой же, братецъ, не уходи, вотъ и мы заберемъ, да чуръ все вмѣстѣ ссыпать, да и подѣлить, чтобъ никому не было обидно: такъ мы положили міромъ, а ты отъ міру не прочь.» — «Ладно, говоритъ, пусть по–вашему.»

Подошли они къ чумакамъ, которые все еще чинно сидѣли вокругъ огня, сняли шапки, похристосовались и стали просить богатья. Тѣ поглядѣли на нихъ, но не сказали ничего, кромѣ только что велѣли каждому подставить поочередно полу и насыпали каждому по пригоршнѣ: «Будетъ по одной» сказали они, когда тѣ все еще стояли, будто чего дожидаясь: «все мало! Вѣдь васъ много пришло, надо раздѣлить на всѣхъ.» Ну, поблагодарили мужики мои и за это, и, видя, что жаръ лежитъ въ полѣ какъ галька и не горитъ, обрадовались и бойко пошли къ селу, домой.

Обрадовались мужики мои, да не на долго. «А что это» сказалъ одинъ, когда они только–что отошли отъ чумаковъ:

«пахнетъ будто паленымъ? Понюхай, будто кто къ празднику свинью опалилъ.» — «Правда, что пахнетъ» сказалъ другой, да какъ закричитъ, потому что подставилъ–было подъ полу руку, да обжегъ ее, да какъ выкинетъ изъ полы жаръ, а свитку скорѣе съ плечъ, да давай гасить ее, топтать ногами.... и другой тоже, и третій, и четвертый.... крикъ, шумъ, брань другъ на друга вскидываются, другъ друга ругаютъ; всѣ прожгли новыя свитки и кобеняки свои, а кто и руки пожегъ; дымъ, смрадъ, а чумаковъ нѣтъ: пропали, какъ въ землю провалились, и волы, и возы, и чумаки, и огонь — нѣтъ ничего.

«Правду жъ я говорила» сказала сосѣдка убогаго, которая первая послала мужа за багатьемъ: «правду жъ я говорила, что прійдется мнѣ тебя, дурака, для праздника бранить.... вотъ и прожегъ новую свиту: теперь что станешь дѣлать?»

А убогій разжился своими червонцами и взялъ за себя хорошую дѣвку и далъ дѣткамъ своимъ добрую матку. Какіе жъ это были чумаки?